

было одарить нас, возможно, совсем иными, более зрелыми стихами. Но стартом, который, думается, все же состоялся. И свидетельство тому наша память и тоненький сборник, который, словно выпорхнувший из гнезда (а может быть, клетки?) птенец, продолжает жить своей собственной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 ЕНТ – своеобразный казахстанский аналог российского ЕГЭ, но только более привязанный к тестам. Возможно, ныне и необходимый, но имеющий немало минусов фено-

мен. ПГК – Пограничный гос.контроль – тестовая форма проверки знаний по ряду предметов, включающих и философию у вузовских студентов, заканчивающих второй курс.

2 Коштенко А. *Утренний человек.* – Костанай, 2009.

Түйін

Мақала өмірден ерте кеткен Қостанайлық ақында А. Коштенкоға арналған.

Conclusion

The article is dedicated to Koshtenko poet who died very young.

ПРОБЛЕМА НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бондаренко Ю.Я., Жиентаева К.

Проблема новых ценностей и смыслов сегодня, на рубеже двух тысячелетий, обретает глобальный характер. Но особенно остро она ощущается на постсоветском пространстве. Причем не как плод теоретических исканий, а как проявление ситуации, вырисовывающейся в многообразных проявлениях нашего непосредственного бытия. Касаясь этой проблемы, уместно было бы вспомнить, с одной стороны, известную трактовку логики осмысления этой проблемы в историко-философской мысли на протяжении целых столетий, с другой – ее постмодернистское преломление.

Как было подмечено еще известным советским философом М.А. Кисселем, «проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникала в эпохи обесценивания культурных традиций и дискредитации идеологических устоев обществ. Кризис афинской демократии заставил Сократа впервые поставить вопрос: «Что есть благо?» Это основной вопрос общей ценностной теории. Аксиология как самостоятельная область исследования возникает тогда, когда понятие бытия расщепляется на два элемента: реальность и ценность как объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [1]. В русской народной мысли можно даже встретить разведение таких понятий, как правда – истина и правда – справедливость.

Эти четкие рассуждения удивительно точно выражают не только логику прошлого, но и нынешнюю ситуацию, ситуацию колоссальных изменений, как в системе доминирующих человеческих ценностей в мировом масштабе, так и на огромных просторах бывшей царской России, затем СССР и нынешнего постсоветского пространства. Здесь грандиозная ломка базовых ценностей осуществлялась, как минимум, дважды: при переходе к строительству так называемого социализма, а позже – при повороте к так называемому рыночному обществу. (Мы намеренно употребляем слова «так называемый» для того, чтобы уйти от дискуссий о точности и правомерности их употребления в современной науке).

Но обе ситуации кардинальных, «революционных» ломок устоявшихся ценностей имеют как сходства, так и отличия. К сходствам можно отнести их масштабность и кардинальность. К отличиям же, видимо, то, что в годы революций, Гражданской войны и складывания советского общества произошла поразительно быстрая смена эталонов. Иными словами, тотальная ломка сопровождалась строительством новой, предельно четкой и ясной системы ценностей, причем с использованием уже известных приемов, образцов и архетипов, которыми, однако, дело не ограничивалось. Достаточно вспомнить, что отвержение прежних куми-

ров вело к появлению новых, вместо прежних святых, появлению тех, кого, по словам известного российского литературного критика Льва Анненского, можно было бы отнести к святым мученикам уже советским. В их ряду и герои-пионеры, и Николай Островский, и Зоя Космодемьянская, и защитники Бреста, и многие иные. Можно спорить об элементах этой системы, уличать ее в косности, недостаточной гибкости, корить чрезмерный официоз. Но при этом нельзя отрицать, что сама система была целостной и при этом берущей на вооружение определенным образом использованные ценности прошлого, вплоть до тех, которые, как некоторые ценности, внешне религиозные, вроде бы решительно отменялись: например, поддержка слабых, утверждение мысли о том, что бедность – не порок, четкое разделение добра и зла и т.д.

Правда, негибкость, особенно идеологической составляющей этой системы сыграла с ней злую шутку: думающая часть советского общества, с одной стороны, все чаще начинала сомневаться в том, что преподносилось как единственно верные истины и эталоны, с другой стороны, миллионы советских людей начинали ощущать раздвоение провозглашаемых ценностей и куда более сложных реалий того, что называлось советской действительностью.

Таким образом, уже в период существования СССР на советской почве начали прорастать такие ценности, которые отчасти становились дополняющими официально провозглашаемые, отчасти альтернативными. Именитый же бард бросил в этот мир по сути своей постмодернистский слоган: «Бойся того, кто знает!».

Прорастание это было наиболее активным в сфере эстетики, и следовательно, в сфере литературы, искусства, прежде всего, музыки, театра, религии, околонучных изысканий и того, что принято было считать пристойным либо непристойным. То есть сокрушение советского идеологического колосса, подтачивание его, казалось бы, несокрушимой мощи начиналось отнюдь не в сфере политики. И крушение этого колосса произошло.

Но что пришло взамен? Вот тут-то мы и видим огромное различие между фазами первой и второй ломки культурных ценностей. Новой, столь же целостной альтернативной системы ценностей так и не удалось создать. Отчасти потому, что в эпоху господства постмодернизма, который в политическом и культурном планах вырисовывался как плюрализм и безграничная терпимость и политкорректность, такая целостность уже сама по себе казалась порочной, покушающейся на права и свободы человека. Отчасти же потому, что свежих, соответствующих времени ценностей, и при этом ценностей свежих и жизнеспособных, у реформаторов практически не оказалось. Точнее говоря, этих идей и ценностей с лихвой хватило для разрушения, но не для созидания нового. Хотя нельзя сказать, что попытки заполнения образовавшегося вакуума не предпринимались. Так, с одной стороны, на постсоветском пространстве, и в частности в Казахстане, был провозглашен возврат к традиционным, прежде всего, национально-религиозным ценностям. Стало резко возрастать число религиозных объединений. С другой стороны, пользуясь тем, что предоставила сама история, стали налегать на военно-патриотическое воспитание, стремясь извлечь максимум из очередных юбилеев, связанных с великим Днем Победы. В третьих, особенно в девяностые годы, упирали на демократические права и ценности и волшебные свойства рынка, в коем его адепты усматривали своего рода машину, автоматически решающую наши насущные проблемы.

Можно, конечно, спорить о возрождающемся официозе, о сильных и слабых сторонах во взаимодействии властей, системы воспитания и масс-медиа. Но сегодня становится очевидным, что наряду со всем этим формируются и крепнут совсем иные ценности, ищутся альтернативные способы крайне небезопасного для общества заполнения духовного вакуума. Каковы же их особенности?

Первая группа такого рода альтернативных ценностей, рожденных духовным вакуумом и ломкой привычных табу, характерна, прежде всего, как для кризисных

периодов в жизни тех или иных социумов, так и для переходных обществ с неустоявшимися нравственно-эстетическими нормами. Она наглядно проявляется в том, что, вопреки во многом внешнему возрождению религиозности и росту интереса к этнокультуре и народным традициям, мы становимся свидетелями потрясающих примеров самой бесцеремонной бездуховности. На том же костанайском кладбище нередки случаи кражи венков с могил, то есть нарушение таких табу, которые были известны тысячами. Хотя, увы, нарушались и прежде, свидетельство тому разграбленные еще в древности захоронения иных фараонов. Но это еще сфера действий и эталонов поведения маргиналов, к сожалению, расширяющаяся в связи с таким явлением, как бомжовщина. Более заметная в переходные периоды, эта сфера известна почти во всяком обществе.

Гораздо знаменательнее те сферы, где речь идет, казалось бы, о более типичных феноменах. Здесь, казалось бы, в непреступной или окологреступной среде мы сталкиваемся с коперниковским по своим масштабам переворотом в мире ценностей. Понятия *грех, совесть, честь* не просто становятся редкими, а становятся все более эфемерными как определители и мерило человеческих поступков. Если в веке девятнадцатом задетая честь требовала дуэли, а в советские годы могла стоять бессонных ночей, то сегодня и движения наших душ, и наши поступки определяются, как правило, иным. Мерилом личности становится не дело, не душевное богатство, а **успех** – известность, влияние и благополучие, не важно, какой ценой достигнутые. В этих условиях слова поэта «Быть знаменитым некрасиво. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех...» звучат очень по-советски, архаично и несовременно. Любая некрасивость, скандал ныне могут стать формой пиара. Иными словами, реально внедряющиеся в нашу жизнь ценности имеют мало общего с ценностями традиционно этническими и религиозными. Таким образом, возникают и расширяются своеобразные «ножницы» между декларируемым и реально ценимым. Такого рода «ножницы» явление

не уникальное. Но особенность нашего времени не просто в лицемерии, «недотягивании» до образцов, а в двойственности самих эталонов, несомых в массы.

Еще одна особенность – стирание граней между добром и злом и культивирование того, что в последние десятилетия в нашем обществе решительно осуждалось, как явное зло. Конечно же, и в досоветские времена были разбойники и душегубы. И в советское время были преступники и просто те, кто мог унижить и избить более слабых и малочисленных. Но не это было предметом гордости. Не случайно и в народном эпосе казахов, и в русских былинах недруг батыра или богатыря обычно изображается внешне куда более мощным, чем сам батыр или богатырь, ибо побить в бою слабого – не велика честь. Сегодня же кровавые сцены нередко стремятся сделать достоянием общности с помощью мобильных и Интернета. То мы видим совершенно дикую, невообразимую сцену того, как в спортзале одной из российских школ ученик пинает пожилую учительницу. То – избивание школьниц. Вот уже в Казахстане пинают и таскают за волосы брошенную на пол девочку-казашку. И это – не осуждаемые многократно фильмы «тлетворного Запада», не эпатирующее киноискусство, а своего рода «реалити-шоу».

Стоит ли удивляться, что в таком мире, при всем грохоте юбилейных торжеств в честь Победы, возможны дичайшие избивания и даже убийства ветеранов войны, совершаемые молодыми и крепкими парнями? Но если подобные, пусть даже единичные случаи, возможны, значит что-то в наших современных громоздких воспитательных системах явно не срабатывает. Что? Это тема отдельного и разностороннего исследования.

Но мы хотели бы, завершая статью, обратить внимание на недостаточно изученные феномены трансформации тех ценностей, эталонов и стереотипов, которые выглядят относительно нейтральными, но в каждом отдельном регионе, среди представителей тех или иных этносов определенной исторической эпохи являются значимыми. Это так называемые мелочи быта, одежды,

образцов поведения и их трансформация в переходный период.

Остановимся лишь на некоторых. Начнем с подмеченных представителями дальнего зарубежья. Так, Р.Д.Льюис, известный английский автор, адресующий свои наблюдения представителям бизнеса, пишет, характеризуя русских (уже после развала СССР), что у последних, в отличие от иных европейцев, имеется «внушительное количество запретов»:

«...Не следует сидеть, расставив ноги в стороны...

Никаких ленчей на лужайках и в парке.

Не следует показывать привязанность друг к другу на людях.

Неприлично спрашивать, где находится туалет. И никогда не следует осведомляться об этом у лиц противоположного пола» [2].

В связи с отмеченным интересно было бы скрупулезно проанализировать и особенности бытового поведения и его трансформации у казахов. Не касаясь условности ряда табу, хотелось бы только обратить внимание на то, как определенные нормы исчезают прямо на глазах. Время незатейливой старой песни о месте, где «обычаю верны люди нежности полны и целуются в уста возле каждого куста», явно ушло. Сегодня для объятий и поцелуев даже видимость кустиков не требуется. Объятия и поцелуи возможны и на открытых пространствах городских улиц, и в вузовских коридорах. А в одном из костанайских скверов можно было наблюдать девушку в подчеркнута мусульманской одежде, уютно разместившуюся на коленях молодого человека. И задача исследователя здесь не в том, чтобы морализовать и вздыхать о «падении нравов», а попытаться осмыслить такого рода детали, как слагаемые векторов реального развития нашего общества, не обходя и неизбежного вопроса о воздействии на эти векторы масс-медиа. А воздействие это колоссально. Даже если отвлечемся от так называемой чернухи и порнухи, то мы увидим, что само восприятие интимных сторон жизни подвергается грандиозным изменениям. Для рекламы интима явно не существует: здесь и детали

туалета, и критические дни, и прочая. Показательны и передачи медицинского и около-медицинского характера, когда, к примеру, миловидная дама в зале демонстрирует, как надо правильно сидеть на унитазе (естественно, лишь имитируя то, что показывается), после чего говорит ведущему, что на нее подействовало – ей надо срочно идти в туалет. Вроде бы мелочь. Но вкупе такие мелочи кардинально меняют весь наш мир и, возможно, восприятие того, что мелочами не является.

Или возьмем иной пример: исчезновение отчеств из иных солидных телепередач, когда, как в шоу Кеосаяна, к людям, независимо от возраста и статуса, обращаются по имени. На Западе так. Но насколько уместно это у нас? Ведь здесь речь идет уже не об условностях интима и естественного поведения, а о куда более принципиальных основах межличностного общения в рамках определенной культуры. По сути дела, здесь перед нами необозримое поле исследования нюансов, трансформация которых может быть сопряжена с феноменами кардинальными. Но вот когда и какие нюансы, трансформируясь, могут повлечь за собой лавину серьезных последствий, а когда их трансформация естественна и даже удобна? Пока здесь многое совершенно неясно. Мы просто следуем моде и чужим эталонам, даже не пытаемся отделить зерна от плевел либо просчитать хотя бы ближайшие последствия такого следования.

Поднятые же проблемы замыкаются на глубинных и никуда не исчезающих проблемах смысла человеческого существования и приоритетов, которые были бы достойны затрат серьезных усилий и риска – того, без чего невозможно устойчивое развитие ни одного социума. Представляется, что изучение такой взаимосвязи наблюдающихся перемен нашего бытия и систем ценностей и поисков новых смыслов, которые позволили бы заполнить вакуум индивидуального человеческого существования, является одной из наиболее актуальных и практически значимых задач современной казахстанской философской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Кисель М.А. Ценностей теория. – В кн.: Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

2 Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. – М.: «Дело», 2001.

Түйін

Мақала ауыспалы қоғам жағдайындағы өмірлік құндылықтардың көпқырлы мәселенің трансформациясына арналған.

Conclusion

The article is devoted to the complicated problem of life values transformation in terms of changing society.

ГОНЧАРОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ – СТРАСТИ

Жаркова В.И., Султанова Д.А.

В творчестве Ивана Александровича Гончарова любовь занимает принципиально важное место. Его знаменитые романы «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» построены на любовных сюжетах, более того, исследуются виды любви – ложные и истинные – в их сложных и противоречивых отношениях.

Писатель в своем творчестве руководствовался известным принципом – «каковы характеры, такова любовь», – верно замечает исследователь Н.И. Пруцков. И это давало писателю возможность при изображении чувства любви проникнуть в историю изображаемой личности, войти в обстоятельства ее формирования.

Для И.А. Гончарова вопрос о любви действительно является «вопросом первой важности», – пишет В.Г. Белинский. Любовь понимается им не просто как чувство, возникающее между мужчиной и женщиной, но и как вселенская сила, способная преобразить мир. Гончаров верил во «всеобщую любовь, и в то, что только эта сила может двигать миром, управлять волей людской и направлять ее деятельность и прочее».

Высокое назначение, которое Гончаров отводил любви, как в жизни, так и в художественном произведении, объясняется особой трактовкой Гончаровым этого чувства. В своей статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» писатель по этому поводу замечал: «...меня всюду поражал процесс разнообразного проявления страсти, то есть любви, который, что бы ни говорили, имеет громадное влияние на судьбу – и людей и людских дел. Я наблюдал игру этой

страсти всюду, ...и всегда порывался изображать ее».

Гончаров не ограничил чувство любви только рамками интимных интересов и личного счастья любящих, но и всегда пытался придать любви более широкое значение. Гончарову, автору «трилогии» – «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», – как верно замечает В.А. Недзвецкий, «в полной мере присуще понимание любви как основополагающего начала жизни, при этом не только индивидуально-личной, но и семейно-общественной, и природно-космической». Писатель считает любовь органичной частью всей деятельности жизни человека. Он не считает, что можно разделить жизнь таким образом, что она будет созидательной во всех других сферах. Способность любить требует от человека состояния напряжения, бодрствования, повышенной жизнеспособности.

Е.А. Краснощекова справедливо замечает, что «в любви Гончаров видел то начало, которое может пробудить волю, направить ее к деятельности». Но это мнение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Романист подчеркивал, что такой силой обладает всеобъемлющая любовь, в обыденном, земном определении «верно понятая» любовь, без «злоупотреблений», точнее, одухотворенная. Тогда любовь преобразуется, по Гончарову, в средоточие и источник общечеловеческой истины, добра, справедливости. Такое понимание любви близко к тому, что скажет о ней позднее Вл. Соловьев, у которого любовь, понятая и исполненная, выступает «условием и средоточием добра, истины и красоты». А гончаровская филосо-